

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация

В статье определены направления развития уголовного законодательства России в области противодействия экстремистской деятельности, а также правовая природа термина «экстремизм» в зарубежном и отечественном уголовном законодательстве. Установлены отдельные признаки преступных деяний, необходимые при квалификации преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: экстремизм, квалификация, уголовная ответственность, общественная безопасность.

Значительное возрастание экстремизма в современном мире предопределяет определенные меры по обеспечению противодействия анализируемому явлению. Как отмечается в теории права, «признание особой опасности угроз экстремизма и определение противодействия экстремизму в качестве одного из ведущих направлений государственной правоохранительной деятельности уже неоднократно признавалось на самом высшем уровне» [1, с. 39]. Тем не менее на текущий момент в отраслевом законодательстве нет единого подхода к закреплению уголовно-правового механизма ответственности за преступления экстремистской направленности.

Необходимость дополнения законодательства предопределяется тем, что в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» перечень признаков экстремизма уже не в полной мере соответствует новым угрозам и вызовам, которые возникают в настоящее время перед Российским государством.

В свое время в рамках законодательных инициатив предлагалось расширить перечень видов экстремистской деятельности и отнесения к ним, в частности, массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также предлагалось также признать создание печатных, иных материалов для публичного использования, если в

них содержится хотя бы один признак экстремистской деятельности [2, с. 34].

В качестве современной тенденции уголовной политики России «наблюдается направление по дальнейшей дифференциации ответственности, особенно это выражено в институте соучастия, кроме этого, с учетом возрастающей роли сети «Интернет», где сегодня активизировался экстремизм, предлагается определение вышеуказанной телекоммуникационной сети в качестве конструктивного или отягчающего признака во всех деяниях экстремистской направленности» [3, с. 613].

Изучение законодательства зарубежных государств, а также определение тенденции современной судебной практики определенным образом предопределяет вывод об устоявшейся тенденции законодательного закрепления понятия «экстремизм» в уголовном законодательстве, разработки специального законодательного акта, регулирующего противодействие экстремистской деятельности.

Данное обстоятельство позволяет выделить два подхода к мерам противодействия экстремизму в современном законодательстве в различных странах. Для первого подхода характерно «довольно серьезное отношение к правовому регулированию противодействия терроризму, однако практическая реализация принятых решений требует совершенствования практики их применения, что свойственно для Российской Федерации». В качестве недостатка можно отметить, что реализация данного подхода определила декларативный характер многих положений и сложности в правоприменении.

Концепция второго подхода в отраслевом законодательстве в том, что не определено понятие «экстремизм», не полной мере определены уголовно-правовые нормы-запреты за конкретные виды «экстремистских» преступлений, но определяются критерии их установления при квалификации преступлений. Представляется, что данный подход имеет право на существование, так как оценочные термины помогают учитывать социально-политическую обстановку, разнообразие конкретных жизненных обстоятельств, способствуют правовой инициативе, творческому подходу в реализации права и снижению показателей экстремизма. Кроме этого, следует обратить внимание на разницу между фактическим и юридическим смыслом преступных деяний, где «фактически общественная опасность преступлений

связывается со всем масштабом отрицательных последствий. Юридически же общественная опасность, по общему правилу, имеет количественную и качественную характеристики, а для уголовно-правовой оценки общественно опасного деяния имеет значение именно качественная характеристика общественной опасности совершенного преступления, через которую определяется объект преступления. Качественная характеристика общественной опасности преступления заключается в создании, к примеру, угрозы причинения какого-либо существенного вреда в условиях опасной ситуации в отношении отдельно взятого гражданина» [4, с. 735].

Как отмечается в теории права, «субъективные признаки преступлений экстремистской направленности, особенно мотивы, индивидуализируют преступное деяние и позволяют проводить отграничение от смежных составов преступлений» [5, с. 40].

Мотив ненависти или вражды является основным системообразующим признаком состава преступлений экстремистской направленности, данный подход так же характерен и для зарубежного законодательства. Преступления с такой мотивацией посягают на отношения в сфере реализации конституционного принципа равноправия граждан, и, как следствие — на основы конституционного строя, однако можно встретить критику такого подхода, так как основным критерием классификации преступлений должен выступать объект преступления, но никак не иные признаки, в том числе мотив [6, с. 50].

Отмечая дискуссионность и неоднозначность рассматриваемых вопросов, следует полагать, что российский законодатель в целом принял правильное решение, криминализовав экстремистские деяния, хотя по некоторым вопросам присутствует некоторая противоречивость и непоследовательность.

В юридической литературе отмечается, что одна из проблем уголовно-правового механизма ответственности за преступления экстремистской направленности связана с характеристикой терминов «ненависть» и «вражда» в системе мотивов преступлений. При этом отмечается, что термин «вражда» является излишним, затрудняет правовую природу преступления, кроме этого, согласно правилам законодательной техники, данные термины нужно разграничивать, однако в правоприменительной деятельности они не отделяются друг от друга [7, с. 4].

Думается, для решения вышеуказанной проблемы в качестве экстремистского мотива законодателю следует оставить только ненависть, исключив мотив вражды: так как термин «вражда» характеризует не побуждения, а объективно существующие отношения, основанные на взаимной ненависти и в качестве необходимо устанавливается ненависть, а не ее сочетание с враждой, которая, предопределяет внутреннюю составляющую преступления.

«С позиции квалификации того или иного деяния как преступления экстремистской направленности важно определить как реальную (осознаваемую), так и не реальную (не осознаваемую) принадлежность потерпевшего к конкретной социальной группе, причем определяющее значение для юридической оценки деяния имеет отнесение потерпевшего к такой группе с позиции виновного» [8, с. 40].

Таким образом, для уточнения правовой природы понятия экстремизм возникает необходимость конкретизации уголовно-правового содержания дефиниции «социальная группа». В диспозиции нормы указаны определённые характеристики объективных признаков состава деяния, однако не указано, к примеру, имущественное и должностное положение, место жительства, убеждения. Как совершенно справедливо отмечается в теории уголовного права, данные признаки могут лежать в основе выделения социальных групп, поскольку ни в одной норме Конституции РФ понятие «социальная группа» не используется, но при этом в ней говорится о социальной принадлежности, выделение социальных групп по приведенным признакам и будет способом определения данной принадлежности [9, с. 75].

При закреплении характеристик признаков субъективной стороны экстремизма следует определить ключевые мотивы, исключить главенствующую роль мотивов иного характера, например, конфликтных межличностных отношений, не допуская при этом возможности использования необоснованных версий, о побуждениях содеянного во избежание преждевременных выводов, способствующих нарастанию межрасовой, межнациональной или межконфессиональной напряженности в обществе [10, с. 38].

Таким образом, основная задача законодателя при определении приоритетов развития уголовной политики России в

сфере противодействия экстремизму состоит оптимизации юридической терминологии, установлении единых системных критериев оценки законодательных понятий в уголовном законодательстве, создав необходимый баланс приоритетов при квалификации преступлений.

Список использованной литературы

1. Бешукова З.М., Прохоров Л.А. Законодательные и правоприменительные аспекты противодействия экстремизму: анализ опыта Чешской Республики // Российский следователь. 2011. № 21. С. 38–40.

2. Кашепов В.П. Квалификация преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2007. №3. С. 30–34.

3. Магнутов Ю.С. Юридические новации в области противодействия организованным формам экстремистской деятельности: доктрина, практика, техника // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 612–614

4. Гармышев Я.В., Егерев И.М., Пархоменко С.В. К вопросу о квалификации некоторых оценочных понятий в уголовном праве России // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 732–739.

5. Калашникова Е.А. Субъективные признаки составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за экстремизм // Юридический факт. 2019. № 51. С. 39–41.

6. Векленко С.В. Уголовно-правовые средства противодействия экстремизму // Проблемы противодействия экстремизму: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 15 окт. 2009 г. Белгород. 2009. 356 с.

7. Борисов С.В. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2013. № 6. С. 4–10.

8. Калашникова Е.А. Субъективные признаки составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за экстремизм // Юридический факт. 2019. № 51. С. 39–41

9. Хлебушкин А.Г. Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория и судебная практика // Уголовное право. 2013. № 6. С. 74–81

10. Экстремизм: инициатива, система противодействия и прокурорский надзор : метод. пособие / под ред. проф. А.И. Долговой. Москва : Рос. криминол. угроза, 2009. 171 с.

Информация об авторе

Гармышев Ярослав Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Институт юстиции, Байкальский государственный университет, г. Иркутск.